

Диакон Владимир ВАСИЛИК

РУССКИЙ НАРОД. РУССКИЙ МИР. РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

В современной гуманитарной науке требуется предельно возможная терминологическая ясность, которая, к сожалению, далеко не всегда достижима. В связи с этим хотелось бы внести известные разъяснения и уточнения в нашу дискуссию и выстраивающийся терминологический ряд: русский народ, Русский мир, русская цивилизация.

Во-первых, по поводу термина «народ». Кафедра истории славянских и балканских стран неоднократно проводила заседания круглых столов на тему наций, национализма, протонационального дискурса, религии и формирования национального сознания¹. Выступления коллег² и их статьи показали разброд и шатание, царящие в научных кругах по поводу самого термина «народ» и по поводу теории этноса и нации как таковых³. Как известно, существуют две научные традиции: первая, т.н. «*примордиалистская*», идущая еще с эпохи романтизма, которая настаивает на том, что народ – понятие органическое⁴. Согласно примордиалистской теории, народ органично вырастает из условий исторической жизни – религиозных, лингвистических, географических, природно-хозяйственных и проходит ряд стадий – от народности до нации в новое и новейшее время. С точки зрения примордиалистов, этничность является органичным образованием. Это присущее человеку ощущение себя в качестве члена того или иного этноса и носителя той или иной культуры. Как выразился Ч. Кейс, примордиальные корни этничности «берут начало в интерпретации своего происхождения в контексте культуры»⁵. Советская историческая и этнологическая школа в основном работала в рамках примордиализма. Однако, сравнительно недавно появилась другая теория – *конструктивизм*⁶, согласно которой «народ», «нация» и т.д. – сугубо конструктивистские понятия. Согласно теории конструктивизма, народ создается внешними силами, как правило, волей правящей или интеллектуальной элиты, зачастую – железом и кровью, ему присваивается первое попавшееся название, слабо связанное или даже не связанное с образовавшими его этническими группами, а низшему слою внушается, что он принадлежит к тому или другому этносу. Например, Флорин Курта, полемике с которым посвящен третий номер кафедрального журнала «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*», утверждает, что славяне – понятие искусственное, неорганичное, его выдумали визан-

тийские историки VI-IX вв.⁷. Такая постановка вопроса несколько анекдотична: для чего византийским писателям, относившимся к славянам как к диким варварам⁸, возвеличивать этот будто бы разноплеменный сброд, приписывать им несуществующее племенное единство и мыслить о них как об отдельном народе? Эти примеры приведены для осознания сложности проблемы того разномыслия, которое царит в научном сообществе относительно самого понятия «народ».

Для преодоления подобного разброда необходимо обратиться к истокам понятия «народ», которое появляется еще в старославянских текстах, в частности, в Остромировом Евангелии: **Видѣвшѣ нарѡди знѡменїѣ, ѣже створи Исхъсъ** (Ин., 6, 14)⁹. Могут возразить, что в церковнославянском «народ» используется в значении «люди» или «толпа», однако в древнерусских текстах мы находим ряд недвусмысленных контекстов, где «народ» выступает в современном значении – население страны: **Сего дѣла страны величашасѧ и нарѡди поучашасѧ совѣтаѧ** (см. Пс. 2, 2).

Есть контексты, где слово **нарѡдъ** относится к христианскому народу: **кнѧзь на нарѡдъ не блѧгъ**¹⁰. Но в большинстве случаев **нарѡдъ** все же обозначает собрание людей, толпу.

Однако, для старославянского языка и южнославянского мира были характерны несколько иные понятия – **ѡзыкъ** и **людіѣ**: **ѡзыкъ** мог относиться к народу чужеземному, иноязычному, но чаще всего – инорелигиозному, **ѡзыкъ**, **ѡзыци** это язычники, не знающие Бога¹¹. Напротив, **людіѣ** – это в большей части контекстов избранный, верующий народ: **посѣти и сътвори избавленїе людемъ своимъ** (Лук. 1, 68)¹².

В ряде контекстов **людіѣ** как верующий народ, народ Божий значимо противопоставляются **ѡзыкамъ**: **бѡдете мнѣ людіѣ избранїи ѿ всѣхъ ѡзыкъ** (Исх. 19,5).

Теперь рассмотрим содержание вышеназванных терминов. Если термин «язык» происходит от названия известного органа речи и, следовательно, связан с фактором лингвистическим, то «народ» – с демографическим. Народ – это то, что нарождается. Что касается внутренней формы слова «народ», то оно тесно связано с глаголом **народити**, «нарожу» со значением «рождать». Не исключено, что его происхождение связано с латинским **natio** (народ), происходящим от глагола **nascor** – «рождаюсь», и его появление связано с деятельностью западных миссионеров в славянском мире¹².

Наконец, слово «люди» связано с фактором социальным или, лучше сказать, иерархическим. В древних германских языках – готском, древневерхненемецком **liudi**, позднее **leute** – это народ избранный, а избрание могло идти по разным критериям: народ вооруженный и народ верующий.

Теперь обратимся к основной теме: являлось ли понятие «народ», «этнос» для авторов Священного Писания реальным или виртуальным? Внимательное изучение Библии и отцов Церкви подсказывает первый ответ: не только человеческие общности мыслились как народы, а не «сословия», «классы», «группировки», но и сама Церковь мыслилась как Новый Израиль, как Народ Божий. Характерны слова св. апостола Петра: «Но вы - род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда не помилованные, а ныне помилованы» (1 Петр. 2, 9-10). Реальность народа объявляется богоустановленной и, в некотором смысле, коренящейся если не в вечности, то, по крайней мере, в порядке ангельского мира: «Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу Ангелов Божиих» (Втор. 32, 8)¹⁴.

Народ – это тело Церкви, исполнение церковного собрания. Приведем лишь пример из св. Романа Сладкопевца:

Ныне верный народ* во Христовой любви*

бдит, сойдясь, во псалмах,* песнопенья поет.

Ненасытно же Богу* возносит он песнь,

И когда царь Давид завершает псалом

и, благочинным прочтеньем* Писаний исполнившись,

сразу Христа воспеваем мы* и над врагом величаемся¹⁵.

Современные представления Русской православной церкви о соотношении религии с этничностью изложены в «Основах социальной концепции РПЦ», принятой на Архиерейском Соборе 2000 г. В ней сказано следующее: «Народ израильский стал народом Божиим, призвание которого - хранить веру в единого истинного Бога и свидетельствовать об этой вере перед лицом других народов, дабы через него явился миру Спаситель всех людей - Богочеловек Иисус Христос. Единство народа Божия обеспечивалось, помимо принадлежности всех его представителей к одной религии, также племенной и языковой общностью, укорененностью в определенной земле – отечестве... Будучи по природе вселенской, Церковь одновременно является единым организмом, телом (1 Кор. 12. 12). Она - община чад Божиих, «од избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел: некогда не народ, а ныне народ Божий» (1 Пет. 2. 9-10). Единство этого нового народа обеспечивается не национальной, культурной или языковой общностью, но верой во Христа и Крещением. Новый народ Божий «не имеет здесь постоянного града, но ищет будущего»... Вселенский характер Церкви, однако, не означает того, чтобы христиане не имели права на национальную самобытность, национальное само-

выражение. Напротив, Церковь соединяет в себе вселенское начало с национальным. Так, Православная церковь, будучи вселенской, состоит из множества автокефальных поместных церквей. Православные христиане, сознавая себя гражданами небесного отечества, не должны забывать и о своей земной родине. Христианский патриотизм одновременно проявляется по отношению к нации как этнической общности и как общности граждан государства. **Христианин призван сохранять и развивать национальную культуру, народное самосознание.** Когда нация, гражданская или этническая, является полностью или по преимуществу моноконфессиональным православным сообществом, она в некотором смысле может восприниматься как единая община веры - православный народ»¹⁶.

Судя по этой формулировке, ее авторы являются примордиалистами и считают народ духовной и общественной реальностью, которая связана с Промыслом Божиим о человеке и не противоречит богочеловеческому организму Церкви, но может органично инкорпорироваться в него.

Само понятие русского народа формировалось как понятие религиозное. Это можно видеть по ряду текстов, в которых идентификация проходила именно по религиозному критерию. От «Слова о полку Игореве»: «Дети бесови кликом поле преградиша, а храбрые русичи преградиша червлеными щиты» до знаменитого изречения Ф.М. Достоевского: «Не православный для меня – не русский» мы наблюдаем известное тождество понятий русский – православный. Не только для эпохи Иоанна Грозного, но и для времени Александра III дико бы звучало уже намозолившее нам слух словосочетание «русский мусульманин, русский лютеранин». С точки зрения традиционной как для Московского царства, так и для Российской империи, оба они – инородцы.

На современном уровне религиозное звучение термина «русский» ощущается, когда вместо «русский» и в СМИ, и в официальных документах предпочитают употреблять слово «россиянин». Сам термин «россиянин» возник, как известно, в XVIII в. Он характерен для русской поэзии XVIII в. – для стихов Ломоносова, Хераскова, Державина. Но сейчас в СМИ происходит разделение понятий: русский - этноним, поскольку обозначает носителя не только русского языка, но и определенных традиций. В СМИ предпочитают не говорить о проблемах русских, за исключением, пожалуй, темы русского языка. Напротив, призывают к патриотизму и национальным чувствам россиян, что, по меньшей мере, странно, так как россиянин – политоним, обозначающий подданного Российской Федерации и (не обязательно) носителя русского языка, а кто он – татарин, ингуш или друг степей калмык – неважно.

Мы пришли к раздвоению и смешению, которого дореволюционная жизнь по сути дела не знала. Для дореволюционного понимания «русского» характерно сочетание трех факторов – русского языка, православия и русской культуры.

Вернемся к теме народа и рождения. Стоит напомнить о словах Прокопия Кесарийского, который называет славян «спорами» по причине их многочисленности и рассеяния по всей земли¹⁷. Народ – понятие, говорящее о расширении, размножении, экспансии. Учитывая это, сейчас тяжело говорить о русском народе, принимая во внимание то, что каждый год его численность сокращается, по разным подсчетам, от семисот тысяч человек до миллиона. Подчеркиваем, это происходит в мирное время. Причин подобных чудовищных потерь несколько.

Во-первых – аборт. По некоторым данным, из трех беременностей только одна кончается родами¹⁸. Во-вторых – пьянство и наркомания. Наблюдения автора показали, что смертность в относительно благополучном Кировском районе Санкт-Петербурга 2000 по 2005 г. выросла в 2,5 раза и, прежде всего, среди мужчин от 20 до 40 лет и в основном – из-за причин, связанных с алкоголем и наркоманией.

Это страшно. Это значит, что народ вырождается и уже не соответствует своему логосу, смыслу, в котором, помимо размножения и экспансии, есть смыслы творчества

Не следует упускать из виду, что **наро́дъ** в древнерусском языке стоял в ряду таких понятий, как **народотвѣрѣньнѣи** – «творческий». Если в народе иссякает творческое начало, то это уже не народ.

Хотелось бы акцентировать религиозную составляющую народа. Стоит привести слова апостола Петра: «Некогда не народ, а ныне народ, некогда не помилованные, а ныне помилованные». Народ избранный, так называли себя благочестивые ромеи, или византийцы. Это сознание было воспринято Русью, оно ощущается в «Слове о Законе и Благодати»¹⁹, в «Слове о погибели земли Русской», в «Повести временных лет». Если до крещения Руси термин «русь» был политонимом с крайне неопределенным значением и мог обозначать то славян, то норманнов, то и тех и других²⁰, то после крещения «русский» становится полноправным этнонимом и обозначает не только подданных державы Рюриковичей – Киевской Руси, но и единоверцев, объединенных общим языком, общим строем жизни, общей культурой. Именно православная вера способствовала консолидации разношерстных славянских и финно-угорских племен в единую древнерусскую народность²¹. И в дальнейшем Русская православная церковь играла важнейшую роль в развитии, в общественной и культурной жизни русского народа.

Уместно привести здесь слова святейшего патриарха Алексия I в его историческом выступлении в 1960 г.: «Как свидетельствует история, это та Церковь, которая при зарождении русской государственности помогала установлению гражданского порядка на Руси... укрепляла законные основы семьи, утверждала положение женщины как юридического лица, осуждала ростовщичество и рабство, развивала чувство долга и ответственности в человеке и нередко при помощи собственных канонов заполняла пробелы государственного законодательства. Это та же Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру, которые по сей день являются предметами национальной гордости нашего народа. Это она, наша Церковь, укрепляла дух народа своей верой... в свободу, поддерживая в народе чувство национального достоинства и нравственной силы. Она была поддержкой Русскому государству в его борьбе против иностранных завоевателей и в Смутное время, и в Отечественную войну 1812 года. Она осталась с народом и в последнюю Великую Отечественную войну»²².

Именно благодаря Русской православной церкви до сравнительно недавнего времени сохранялось единство между тремя ветвями русского народа – великорусской, малорусской, и белорусской. Характерны слова, с которыми обратился к русским послам, прибывшим на Переяславскую раду в 1654 г. митрополит Сильвестр Коссов: «Целует вас в лице моем он, благочестивый Владимир, великий князь русский; целует вас святой апостол Андрей Первозванный, провозвестивый на сем месте велию просияти славу Божию, яже ныне вашим пришествием благополучно паки обновляется; целуют вас общему житию начальницы, преподобный Антоний и Феодосий Печерстии и все преподобнии, лета и живот свой о Христе в сих пещерах изнулившие; целует и мы о Христе ваше благородие со всем освященным собором, целующе ж любовне зываем: внидите в дом Бога нашего и на седалище первейшее благочестия русского, да вашим пришествием обновится яко орля юность наследия благочестивых великих князей русских»²³. Таким образом, вольно или невольно Сильвестр Коссов выражает историческую сущность воссоединения Великой Руси с Малой²⁴ – обновление наследия благочестивых древнерусских князей: младший (по возрасту) брат, полный сил, приходит для того, чтобы укрепить старшего брата и вернуть ему молодость.

Итак, подытоживая наши размышления, попробуем дать определение понятию «народ». Народ – реальная общность, связанная общностью языка, единством религии или религиозной самоидентификации, общностью культуры, направленная на расширение (или, по крайней мере, на самовоспроизводство), призванная к творческому развитию и к государственному строительству.

Следующее понятие – **міръ** (с і десятиричным). Само понятие является средневековым по своему духу, поскольку обозначает одновременно и вселенную, соответствуя греческому слову,²⁵ и общество, общину, в том числе деревенскую. Подобное двойственное словоупотребление является изначальным: уже в «Русской правде» мы встречаем использование слова **мір** в значении община: *аще поиметъ ктò чужь кòнь, либо оружїе, а познаетъ въ своємъ міроѹ, то взати ємоѹ свое, а г гри. внѣ за овнѣ*²⁶. В связи с ним невольно вспоминается грузинское слово «сопели», которое означает одновременно и вселенную, и общину, и деревню. Понятие **міръ** внутренне близко к греческому слову οἰκουμένη - «вселенная», в значении – «космос как обжитое пространство». Таким образом, **мір** представляется как некое обжитое пространство, как некий дом, и не просто дом, а их совокупность, а точнее – единство, еще не город, но уже поселение и в любом случае некое, пусть не замкнутое, но завершенное пространство, близкое к идее латинского **orbis terrarium** – круга земного.

Если требовать точного определения, то **мір** – одновременно среда обитания и способ жизни того или иного народа, его «дом».

Этот образ **міра** как дома нам трудно ощущать в нашей современной бездомности, безытности и хаотичности, когда на наших глазах в XX в. вновь произошло Великое переселение народов. Во-первых, пять миллионов беженцев в гражданскую войну, в большинстве своем – русских, затем чудовищное раскулачивание, затронувшее не менее десяти миллионов наиболее трудолюбивых крестьян, преимущественно русских, ссылки и сталинские депортации, эвакуация Великой Отечественной войны, угон немцами пяти миллионов русских рабов – остовцев в Германию. Даже, казалось бы, благополучные времена 1953-1985 гг. были насыщены постоянной миграцией населения СССР и прежде всего – русского. К нему относится и бегство колхозников в города, и индустриальное заселение Сибири и Дальнего Востока, и миграция русских на окраины, в национальные республики, обернувшаяся для русских людей трагедией конца восьмидесятых-девяностых годов, когда они, строители и защитники Советского Союза, в одночасье из уважаемых людей превратились «в оккупантов» и «угнетателей», были преданы и брошены центральной властью и оставлены на произвол бесчинствующих националистов. Результатом этого явилась новая невиданная миграция, подсчитать которую очень сложно, если не невозможно. Из одной лишь Чечни с 1991 г. выехало не менее 500 000 беженцев, в большинстве своем русских, в результате перманентной этнической чистки сейчас там осталось не более тысячи русских жителей. Если учесть, что демографические потери Российской Федерации покрывались в основном за счет миграции, то, по самым скром-

ным подсчетам, из бывших советских республик выехало не менее десяти миллионов русских. Однако, в них остается двадцать пять миллионов наших соотечественников.

Не менее пяти миллионов наших соотечественников в поисках лучшей жизни уехали в страны дальнего зарубежья. Если прибавить к этому миграции внутри Российской Федерации – бегство русских с Северного Кавказа, отъезд из Сибири и Дальнего Востока, исход населения из разоренных деревень и колхозов в индустриальные центры и наличие двух миллионов бездомных (только по официальным данным), то картина современной бездомности становится еще более впечатляющей. Казалось бы, **Русский мир** разорван на несколько государств и рассеян по всему миру. Но это не так. Он жив, и это показывают такие форумы, как Всемирный Русский Собор, который проходит под эгидой Русской православной церкви. В научной среде возникало сомнение относительно необходимости понятия **мир**, не в последнюю очередь в силу факторов глобализации и современного номунизма. Эти сомнения кажутся недостаточно обоснованными: понятие **мир** надлежит сохранять хотя бы для того, чтобы восстановить разрушенный русский дом.

В связи с темой **мира** как дома вспоминаются бессмертные строки Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них сердце обретает пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Конечно, Пушкин как наследник античной традиции имел в виду прежде всего пепел домашнего очага. Однако, в русском языке лексема «пепелище» устойчиво связана со значением «остатки сгоревшего дома». Соседство с «отеческими гробами» еще более подчеркивает последний семантический оттенок. В этом трагизм русской жизни, русской цивилизации – постоянно строить на разрушенном месте, на пепелище. И он усиливается оттого, что разрушителями зачастую являются сами русские. Бездомность русской культуры и ее тоска по дому – одна из важных констант русской цивилизации.

И, наконец, слово «цивилизация». Этот термин латинского происхождения (*civilisatio*) и происходит от слова **civis** – гражданин, соответственно, при буквальном переводе на русский мы получаем «гражданство»²⁷. Греческим эквивалентом слова **civilisatio** (и, возможно, его прототипом) является слово *πολιτεία*, корнем которого является **полис** – город, что немаловажно, поскольку оно связано с образом идеального города, в христианской традиции – Небесного Иерусалима или Града Божия.

Со времен Платона и Аристотеля πολιτεία означало «государство», «государственное устройство». Подобное словоупотребление далеко не чуждо церковной традиции.

В церковном предании понятие «народ», «верующий народ» является «достоянием» или собственностью Христа и неразрывно связан с христианской империей и христианской цивилизацией (политией).

Для примера приведем тропарь Воздвижения Креста:

Спаси, Господи, народ Твой
и благослови достояние Твое,
победы царям
на варваров даруя,
и Твое сохраняя
крестом Твоим общество^{28,29}.

В этом гимне прежде всего отражается вера в победительную силу Креста как основу не только царских побед, но и самой самодержавной власти. Вторая идея этого тропаря – Крест как хранитель империи, защитник цивилизации от варварства, отождествляемого с язычеством и неверием. Следующая мысль, содержащаяся в этом гимне, – представление об империи как об обществе христианском по преимуществу, достоянии или собственности Христа, Его «политии», в которой действуют (или должны действовать) Его законы³⁰. Однако, эта полития немыслима без христианского народа, который является и исполнением христианской политии-империи, и ее целью. В связи с этим закономерно встает вопрос об империи как о наиболее естественной форме организации православной цивилизации. Исторический опыт показывает: Россия может существовать либо как империя (в различных модификациях), либо она низвергается в небытие. Опыт построения православной культуры – опыт имперский, либо продолжение имперских традиций Византии (до 1453 г.), либо опыт самостоятельного имперского строительства.

Однако «цивилизация», или «государственное устройство» - не единственное значение лексемы πολιτεία: византийские агиографические памятники традиционно озаглавливались «жизнь и житие»; в данном контексте слово πολιτεία может пониматься как «поведение, способ действий». На церковнославянский язык оно традиционно переводилось как «жительство», в том числе и в приводимом нами примере с тропарем Воздвижения, и, соответственно, может пониматься и как способ государственного строительства и общественной организации, и как способ отношения с Богом, с миром, с человеком. В связи с этим необходимо выстроить известную сетку отношений.

Отношение к Богу. Для отношения русского человека к делам Божественным характерен абсолютизм – либо полная вера, либо аб-

солютное безверие, причем безверие не из эгоизма, а, как точно отметила Наталья Нарочницкая, «из сострадания к твари»; это вопрос о «слезинке ребенка», «возвращенный билет» и т.д. Нам известно, чем кончились эти «проклятые вопросы» - океанами слез и крови, но следует отметить, что наш атеизм принципиально иной природы, чем западноевропейский, построенный на материализме, эгоизме и либертинизме – необузданной жажде абсолютной свободы и самовыражения.

Для русской ментальности и самоидентификации характерен примат религиозного (или квазирелигиозного в XX в.). Есть *belle France*³¹, *old merry England*³², но только Русь называют святою. Это примат сакрального и примат духовной свободы над социальной.

Отношение к миру в народной культуре также вырастает из сакрального принципа. Такое выражение, как «мать сыра земля», говорит само за себя³³. И отсюда достаточно нетребовательный, милосердный способ обращения с окружающей средой, с природой³⁴. Для дореволюционной России справедливы слова Максимилиана Волошина:

..... неградивы

И нищи средь богатств земли

Через столетья пронесли,

Сохою ковыряя нивы,

К земле нежадную любовь.

С принятием христианства в русском человеке вырабатывалась любовь к красоте, точнее, к преображенной, очищенной красоте. Часто эта красота проста и достигается немногими средствами: посмотрим на церковь Покрова на Нерли (1164 г.): казалось бы, ничего особенного. Но она столь гармонична, столь удивительно вписана в пейзаж, что представляет собой образ неземной красоты, образ горнего града. Именно на этой основе формируется то, что Д.С. Лихачев называл «удивлением миром»³⁵.

Отношение к человеку можно разделить по следующим критериям: отношение к государству и обществу (в частности – общине), отношение к закону, отношение к семье и к отдельной личности.

Отношение к государству. На первый взгляд, русский человек достаточно скептически настроен к государству. Он не стремится на службу, но и не отказывается от нее: «На службу не напрашивайся, от службы не отговаривайся». Характерно скептическое, насмешливое отношение русского человека к регалиям, чинам, карьере. Но, с другой стороны, служить – дело почетное, не служить – значит быть вне известного миропорядка. Но при этом поражает жертвенность русского народа в критические времена для страны и на службе государственной. Вспомним хотя бы 1612 г., Нижний Новгород: «И жен, и детей заложим, а Москву вернем». И это повторялось из столетия в столе-

тие, вплоть до Великой Отечественной войны, победа в которой была бы невозможной без добровольного самопожертвования миллионов русских людей³⁶.

Появление такой жертвенности оказалось возможным благодаря двум факторам. Во-первых, Православие внесло в русскую жизнь аскетическое начало. Христианская аскеза есть упражнение в добре, в добрых делах, мыслях, чувствах и отсеменение злых помыслов и пожеланий. Это выработка рассуждения и избирательности, отбора, того, без чего погибает современная культура, задыхающаяся во всеядности. И, более того, это установка на активную, подвижническую, деятельную жизнь: без этой установки в нашем национальном сознании мы не создали бы великого государства и великой культуры, не дошли бы до Камчатки и не построили бы Исаакиевского собора. Во-вторых, Церковь вырабатывала в русском человеке мужественное отношение к жизни и спокойное, достойное отношение к смерти. Стоит только перечитать «Поучение Владимира Мономаха» или завещания московских князей и царей, где «с великой заботой и великим мужеством перед лицом смерти они предвидели все, что мог предвидеть русский человек, который и свою страну любил, и своего Бога боялся»³⁷.

С образом Святого Града неразрывно связано такое особое русское понятие и явление, как **соборность**, подразумевающее совместное делание на основе внутреннего духовного единства. Оно было невозможно в типично языческой ситуации раздробленности и войны всех против всех. Но именно благодаря понятию **мира**, которое, как мы видели, выработано под христианским влиянием, создавалось ощущение всеобщей связи и всеобщей зависимости, ценности общества и общественного суждения. «Мирская молва – морская волна», «На миру и смерть красна» – достаточно показательные пословицы, которые иллюстрируют отношение русского человека к обществу и его соборное миро-ощущение.

Отношение к закону. На первый взгляд, оно достаточно скептическое: «Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло». Однако, при недоверии к письменному праву русский человек поразительно доверяет праву обычному, или неписанному. Благодаря православию в русское сознание вошло такое понятие, как **правда**. Оно значительно отличается от европейского понятия «право, справедливость» – *jus, justitia*, потому что вместе со справедливостью подразумевает и праведность, святость, не только правду человеческую, но и правду Божию. Это понятие ориентированно не столько на письменный, сколько на неписанный закон, на внутреннюю праведность, и не столько на общие законодательные положения, сколько на личное доверие.

Именно благодаря этому сознанию еще в прошлом веке «под честное слово» заключались сделки на десятки и сотни тысяч рублей. Это понятие «правда» органично инкорпорировало в себя милосердие: русский человек был убежден, что «милость превозносится над судом» (Иак.2, 13).

Исконное русское **отношение к семье** характеризуется глубоким уважением к родителям. Одна из констант русской ментальности – патриархат. Достаточно привести один пример: за детоубийство по закону императора Константина I Великого полагалась роена cullei: виновного зашивали в мешок со змеей и бросали в воду³⁸. По Уложению 1649 г. за детоубийство родитель подвергался только году тюрьмы и вечному покаянию, в то время, как за отцеубийство или матереубийство полагалась казнь «без всякия пощады»³⁹.

Отношение к отдельному человеку характеризуется принципами коллективизма, нищелюбия и приматом милости над правдой.

Конечно, не стоит чрезмерно идеализировать русского человека. Наряду с высотами в нем скрывались и страшные бездны, характерно, что и в том, и в другом русский человек не знал предела. Еще Юрий Крижанич жаловался, что «мы не знаем меры ни в чем». Об этом максимализме замечательно пишет св. Юстин Попович: «Русская душа имеет свой рай и свой ад. Нет нигде более страшного ада и более дивного рая, чем в душе русской. Ни один человек не падает так глубоко, до крайнего зла, как русский человек; но в то же время ни один человек не взмывает так высоко, до вершин, превышающих все вершины так, как русский человек. История свидетельствует: русская душа мечется между чернейшим адом и самым светлым раем»⁴⁰. Однако, даже в своем падении русский человек помнил о рае, о святости и спасении.

Конечно, многое порушено. Современный русский человек значительно отличается от дореволюционного, и многое следует строить с самого начала. Русский человек часто пренебрегает формой, обращая внимание на содержание, и, как следствие, зачастую теряет содержание из-за своей бесформенности. Из-за этой особенности русские проигрывали в различных технологических соревнованиях, где требуется дисциплинированность, четкость, умение работать с формой. Если русский человек обратится к своим истокам и, прежде всего, к Православию, которое дало возможность русским быть народом, и будет опираться на православные принципы – логосность (т.е. поиск логоса – смысла и Сверхсмысла), аскетичность, иерархичность, то он не только выживет, но и украсит нашу землю новыми прекрасными произведениями.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Национализм в Западной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XIX веке: перспективы сравнительного изучения. 26 сентября 2007 г. Христианство, ислам, иудаизм и (прото-) национальные идентичности в европейской истории в средние века и новое время. СПб. 2008. 8-11 сентября.

2. Особо следует отметить выступления д.и.н. проф.М.В. Дмитриева.

3. Теории этноса посвящена значительная литература. Наиболее интересными и полными с библиографической точки зрения являются работы Смита: *Smith A. Theories of Nationalism. L., 1971; Idem. Nationalism in Twentieth Century. Oxford, 1979; Idem. The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981; Idem. The Ethnic Origin of Nation, Oxford, 1986; Idem. National Identity. L., 1991.* Из русскоязычных работ, посвященных теории этноса, см. *Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Послесл. Н. Я. Бромлей. Изд. 2-е доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008.* См. также сб. Конфессии и нации. Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе: от средневековых дискурсов к современным результатам. М., 2008.

4. Одним из ведущих представителей является *Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. N.V., 1981.* К сожалению, в его работах педалируется, прежде всего, биологический фактор.

Напротив, в трудах Глэйзера и Мойнихэна особое значение придается культурно-историческим составляющим этноса. См. *Glazer N., Moynihan J. Ethnicity. New York, 1975.* Из последних работ наиболее сбалансированным подходом характеризуются труды Кара-Мурзы. См. *Кара-Мурза С. Концепции этничности: примордиализм. <http://www.contr-tv.ru/common/1991/>.*

5. *Keyes Ch., ed. Ethnic Change. Seattle, 1981. P. 183.*

Наиболее ярким ее выразителем явился Андерсон. См. *Anderson B. Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983.* Смита (см. выше) можно также в известном смысле причислить к конструктивистам.

7. *Curta Fl. The making of the Slavs. Oxford, 2001.*

8. *Иоанн Эфесский.* Они выучились воевать лучше ромеев, они, люди простые, которые прежде не осмеливались показаться из лесов и защищенных деревьями мест и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех метательных копий. Церковная история III. 6. 25. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 279.

9. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1902. Кол. 320.

10. Первая Псковская летопись. 6970 г.

11. Например, *быти ми словѣжителю їсѣ хѣѡв въ їзѣцѣхъ, словѣжашю їеоангелию бжїю* (Рим. 15.16). Апостол. 1220 г. См. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903.

12. Там же. Кол. 1649.

13. Из латинского языка в церковнославянский попал ряд таких терминов, как *салтѣрь*, *порѡда* (в значении «рай») и т.д. На этом фоне «народ» может быть такой же калкой с латинского *patio*, как и *мѡци* с латинского *virtutes*.

14. Конечно, Церковь всегда помнила, что во Христе «нет ни иудея, ни эллина, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского», но традиционно относила это к спасению человека и к жизни будущего века, не закрывая на земле глаза на различия между мужчиной и женщиной и не призывая к насильственному уничтожению рабства.

15. Romanus Melodus. Canticum 22. Sect. 1. См. Cantica, ed. J. Grosdidier de Matons, Romanos le Melode. Hymnes, vol. 3 // Sources chretiennes T. 114. 1965. P. 56.

16. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 52-53.

17. Да и имя у славян и антов издревле было единым: и тех, и других называли в старину спорами, потому, я думаю, что они селятся по земле то там, то здесь, спорадически. Поэтому-то им и нужно много земли - ведь они одни занимают почти весь противоположный берег Истра. *Прокопий Кесарийский*. История войн. VII. 14 // *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. О постройках. М. 1996. С. 255.

18. *Свящ. Максим Обухов*. Аборт // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 46-48.

Полную библиографию о «Слове о Законе и Благодати» см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т.1. Л., 1989. Из работ, непосредственно связанных с рассматриваемой нами тематикой, см. *Прот. Лев Лебедев*. Богословие Русской Земли как образа Обетованной земли Царства Небесного // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковно-научная конференция «Богословие и духовность». Москва. 11-18 мая 1987 г. М., 1989. С. 140-175. *Mainka R.* Von Gesetz und Gnade. Die heilsgeschichtliche Schicht im Slovo des Kiever Metropolitens Ilarion // *Clarentianum*, 1969, T. 9. S. 273-304.

20. В византийских источниках VII-IX в. **Рwс** обозначали варваров скандинавского или норманнского происхождения (что подтверждается некоторыми латинскими источниками, но частично опровергается некоторыми арабскими). В настоящее время большинство ученых согласны в том, что название **Ros** - скандинавского, норманнского происхождения, хотя существуют попытки славянской, готской, кельтской этимологии. Существовали многочисленные попытки этимологизации, например, от корня Rud, Rus - рыжий, красный, т.е. рыжеволосый, светловолосый. В настоящий момент самой надежной считается этимология М.В. Бибикова: Ros - от Rods, что переводится как «гребцы», воины, плывущие на ладье. Соответственно, русы, русичи получили свое название от воинственного пришлого элемента, составившего основу первоначальной аристократии, правящего класса. Изложение всех точек зрения и полную библиографию вопроса см. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1991. С. 290-310.

21. *Седов В.В.* Славяне.

22. *Цытин Владислав (протоиерей)*. История Русской Православной Церкви. 1917-1990. М., 2006. С. 157.

23. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной Руси. Т. X. СПб., 1882. № 4. Ст. 2. С. 251-252. Из последних публикаций см. *Василик В.В.* О моделях взаимоотношений церковной и государственной власти в эпоху освободитель-

ной войны Богдана Хмельницкого // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 2. С. 25-50.

24. Здесь и в других местах автор использует название «Малороссия» не в пейоративном смысле, а в смысле указания изначальной родины – как, например, Малая Польша, Малая Азия или просто Греция в противоположность Великой Греции.

25. Царство мое нѣсть ѿ міра сего (Ин. 18, 36).

26. Срезневский И.И. Материалы... Т.2. Кол. 148-149.

27. Слово «гражданство» в этом значении присутствует в переводе 14 «Слова Григория Богослова» (О любви к бедным), в рукописях XIV в.: законы, гражданство, житие кротко (греч. νόμου, πολιτεία, βίον ἡμερον) См. Срезневский И.И. Материалы. Т. 1. Кол. 577. В данном случае следует говорить о калькировании греческого слова πολιτεία эквивалентному civilisatio (см. выше).

28. Μηναια του ὅλου ἐνιαύτου. Σεπτέμβριου. Ἀθηναί, 1993. Σ. 234. Перевод В. Василика.

29. Не случайно позднее П.И.Чайковский положил в основу увертюры «1812 год» для русской темы именно напев 1 гласа для тропаря «Спаси, Господи, люди твоя».

30. Прекрасная Франция.

31. Старая веселая Англия.

32. Исследователи выискивают языческие корни для этого понятия. На самом деле здесь можно говорить о известном преобразовании, христианском концепте, а Русская Земля осознается как вторая Святая Земля, удел Богоматери.

33. Мы не рассматриваем здесь ситуацию XX в., поскольку это ситуация слома. Двадцатый век - ситуация безобразного хищничества, проходившего под двумя лозунгами - социалистическим: «Мы не можем ждать милостей у природы. Взять их у нее - наша задача» и капиталистическим: «Бери от жизни все».

34. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1980. С. 32.

35. В последнее время и справа, и слева участились разговоры о том, что победа в Великой Отечественной войне была достигнута прежде всего благодаря жесткости и даже жестокости сталинского режима, благодаря свирепой дисциплине, НКВД и заградительным отрядам. Подобные разговоры следует считать не только клеветой на русский народ, но и отрицанием истории: в 1941 г. армия отступала до Москвы, несмотря ни на какие заградотряды и НКВД, поскольку в массе своей русский солдат не желал воевать за коммунистический режим. Перелом в войне произошел только тогда, когда русский народ осознал, что под немецкой властью его ожидает истребление и ассимиляция. И без добровольных жертв миллионов русских людей и представителей других народов СССР победа была бы невысима. Об этом в свое время писал покойный А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». Из более поздних работ см. Куличкин С. Вставай, страна огромная. М., 2005.

37. Солоневич И.Л. Народная монархия. Минск, 1998. С. 473.

38. Codex Justiniani. Liber IX. Titulus 17.

39. Соборное уложение 1649 г. Глава XXII, в ней 26 статей. Указ, за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание.

1. Будет которой сын или дочь учинит отцу своему или матери смертное убийство, и их за отеческое или за матерне убийство, казнити смертию же безо всякия пощады.

2. А будет которой сын или дочь отцу своему или матери смертное убийство учинят с иными с кем, а сыщется про то допряма, и по сыску тех, которые с ними такое дело учинят, казнити смертию же безо всякия пощады.

3. А будет отец или мати сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходити им к церкви Божии, и у церкви Божии объявляти тот свой грех всем людем в слух. А смертию отца и матери за сына и за дочь не казнити. См. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 288.

40. *Преп. Иустин (Попович)*. Философские пропасти. М., 2005. С. 189.

РУСНАК
RUSYN RUTHEN

www.rusnak.info
e-mail: svmiros@eunet.yu